

материи. Часто в центре образованного таким образом круга помещалась надпись, девиз, который в переводе с древнегреческого звучит: «Одно есть все». Достичь фундаментального видения единства мира - вот цель магической философии алхимиков. Очень точно выразил ее Василий Валентин, написав в своих «Двенадцати ключах»: «Итак, говорю я, ты имеешь все во всем». Адепт, которому удавалось преуспеть в свершении Великого Делания, интуитивно постигал глубинное единство реального мира, идентичность законов, управляющих как великими, так и малыми его составляющими.

Никогда не следует терять из виду - и мы особо настаиваем на этом - необходимость постоянно искать, искать даже в текстах, в которых алхимики периода Средних веков описывают операции и процессы, наблюдаемые в реторте или тигле, иной, параллельный смысл - описание психических или духовных феноменов. Было бы большой ошибкой смешивать состояние духа адепта, преуспевшего в своих исканиях на пути к свершению Великого Делания, с радостью современного ученого, наконец-то, после долгих и тщетных попыток, успешно завершившего эксперимент. Мы никогда не устанем повторять, что для алхимика успешное завершение операций Великого минерального Делания означало совершение священного акта, дающего уверенность в одержании победы над последствиями первобытного грехопадения во всех трех царствах природы.

Мы должны постоянно держать в уме этот фундаментальный ключ традиционной алхимии - тот факт, что одни и те же тексты одновременно содержат описание как феноменов, фиксируемых в лаборатории, так и трансформаций, изменений, происходящих в глубинах души делателя. Так, образы - столь часто встречающиеся в литературе и иконографии алхимиков - союза, свадьбы, соединения противоположных начал применяются, с одной стороны, к феноменам, возникающим в реторте или тигле, и с другой - к внутренним совокуплениям, которые алхимик должен совершить в себе самом, чтобы обрести способность к объединению разрозненных элементов своей психики. Со времен греческих алхимиков Александрии существует эта двусмысленность, даже многозначность свидетельств, двойственность уровней, на которых должна осуществляться интерпретация алхимических операций. Вот выдержка из «Книжечки Захарии», слова, которые приписываются философу Анаксагору: "До чего же красно и сиятельно солнце, кое сочетается, через посредство Духа, с душой, белой и лунной по природе своей". Впрочем, подобного рода тексты действительно могут - не всегда, но в некоторых особых случаях - предполагать другую, параллельную интерпретацию: на одном из путей алхимической аскезы адепт занимается деланием совместно со своей спутницей жизни, образуя с ней конкретную герметическую пару. Отсюда проистекают этапы соединения, в равной мере применимые как к внутренним «химическим свадьбам», чисто духовным, так и к священному (но конкретному) браку, осуществленному между алхимиком и его супругой, компаньонкой по проведению работ. На этой стадии алхимия приближается к особому пути Великого Делания, исполнявшегося реальной супружеской парой, который в восточном тантризме получил специальное обозначение «пути левой руки». Разве стремление постичь секреты алхимии не означает познание законов и принципов, которые управляют как внешним миром (макрокосмосом), так и человеком (микрокосмосом), как бесконечно большим (вселенной), так и бесконечно малым (клеткой, мирами, невидимыми невооруженным глазом)? Все повинуетя законам, и законам Божественным - так не стоило ли ради открытия этих законов воспользоваться озарением?

В глазах алхимиков жизнь и мир, в котором она протекала, отнюдь не были отделены друг от друга: повсюду в трех царствах (включая сюда и минеральное царство) жизнь уходит своими корнями ко дням Творения.

Одним из наиболее интересных свидетельств, оставленных средневековым христианским герметизмом, считается «Книга Святой Троицы» (*Liber Trinitatis*), хранящаяся в Мюнхене, творение немецкого монаха-алхимика, известного под латинским псевдонимом *Almannus*, сопровождавшего Фридриха IV, бургграфа Нюрнберга, на